

Зимта

Султанбаева

ПРОВОДНИК В ВЕЛИКОЛЕПНУЮ ЭПОХУ

16 октября Вадиму Евгеньевичу Сидоркину исполнилось бы 62 года... Но этой дате не суждено было случиться. Этим летом продолжателя великой семейной династии не стало.

С его уходом трагически прервалась прямая связь времен с эпохой его великих родителей – Гульфайрус Исмаиловой (Конарбаевой – по родному отцу) и Евгения Матвеевича Сидоркина. Он был главным проводником по истории их жизни, биографии и творчеству.

И сам Вадим, хотя и пребывал в тени родительской славы и мощи, был очень крепким и сильным художником, последователем академической школы, носителем русской советской реалистической традиции, наследником и достойным продолжателем семейной династии.

Вот как рассказывала о детстве сына, о выборе его пути **Гульфайрус Мансуровна**:

«Помню, приехала к нам одна узбекская балерина. Женя рисует ее, я тороплюсь запечатлеть в красках, а маленький Вадик сидит и тихо лепит из пластилина. У меня она не похожа, у гениального Сидоркина не так чтобы, а у Вадика – ну прямо вылитая, как есть. А она, наша гостья, смотрит на все это и говорит: “Ваш сын вылепил меня так, как никто до сих пор – точно, чисто, почти фотографически!”»

Вадик был художником с самого детства. Все стены в нашей квартире были зарисованы им. Мы его не останавливали. “Монументалист растет!” – шутила, заходя в дом, искусствовед Людмила Долгушина. А замечательный художник Павел Яковлевич Зальцман все выпрашивал у него почеркушки. Когда пришел момент решать, куда Вадика идти после школы, мы с Женей сказали – пусть будет математиком! Оказавшийся при этом выдержанный и уравновешенный Павел Яковлевич вышел из себя: “Нет, вы посмотрите на этих умников! Сами выучились на художников, а родного дитятию – в математики! А ведь он отмечен Богом, и пренебречь этим – грех. Так что перестаньте мудрствовать и отдайте сына в художественное училище!” Именно так мы и поступили, чем определилось будущее Вадима. Мы его и в нашу академию, к своим педагогам отвезли вместе с Евгением Матвеевичем».

В своих лучших фигуративных композициях Вадим Евгеньевич демонстрировал великолепное владение рисунком, чувством цвета и композиции. А какова сила темперамента в его тематических гражданских работах, таких как «Жертвоприношение», «Декабрь» и «Невада – Семей». О последней в ряду этих трех хочу сказать отдельно.

Этот шедевр – одна из самых ярких, сильных, запоминающихся его работ. По сути, это групповой портрет самых незащищенных жителей зоны ядерного полигона.

Монументальную семифигурную композицию из женщин и детей, участников мирного антиядерного шествия, стержнем держит несгибаемый, накрепкий динамично вперед, словно нос мятежного корабля, образ пожилой матери в белоснежном платке, подобно нимбу высветившем весь ее смуглый и трагичный облик. Она изогнулась под тяжестью внука, пристально глядящего прямо на нас своим чистым, детским, словно взывающим о помощи лицом.

Работа написана в благородной, сдержанной манере и холодной колористической гамме, где переливаются, взаимно дополняют друг друга холодные кобальтовые и теплые – охристо-умбровые оттенки со всполохами красно-алого и сиреневого цветов, выхватывающих лица, емко обозначающих темные и светлые силуэты фигур, устремленных к своей цели.

Вадим – мастер портретного жанра. Он создал обширную галерею казахстанской артистической богемы и многих-многих других людей, как он сам писал, «определявших лицо нового времени – семью президента и их окружение, ведущих политических деятелей, лидеров общественных движений, представителей делового мира, духовенства и искусства, посольского корпуса».

А каким обаянием упругой молодости веет от его портретного цикла юных балерин, ладных, стройных, тепло сияющих в голубом пространстве балетного класса, облаченных в белые и синие купальники и трико.

Любовь к балету Вадим унаследовал от мамы. Вот что он говорит в интервью журналисту **Людмиле Енисеевой**:

«С удовольствием писал я, например, Сауле Рахметову. Талантливая балерина и очень красивая женщина, она стала одной из первых Мисс Казахстан. Тогда, в конце 80-х годов прошлого века, Сауле еще начинала свой путь в искусстве. Путь удачный и блистательный, пролеглий на многие сцены мира, где она выступала с самыми лучшими балетными труппами современности. Позже появились портреты очаровательной примы-балерины Людмилы Ли и ее коллеги по сцене Дины Накиповой, занявшихся потом педагогической и постановочной деятельностью. Работы эти мне чрезвычайно дороги, потому что балет я любил всегда. Он самое чудное выражение красоты, и обращение к нему – наша семейная традиция. В свое время мама оформила несколько балетных спектаклей, отец создал сценорафию балета “Фрески” в нашем оперном театре, возбуждавшего потом в Питере настоящий гастрольный бум. Я до сих пор слежу за всеми новыми постановками, а года три назад, благодаря Людмиле Ли, вплотную заинтересовался Алматинским хореографическим училищем имени Селезнева.

В результате были созданы портреты юных балерин. Одна из них – Анастасия Губанова, вместе с несколькими алматинцами она вошла в состав Балетной труппы Москвы и объездила с ней уже многие страны Европы. Она позировала мне в костюме Одетты из балета “Лебединое озеро”. Это ее коронная партия».

Слава его родителей, с одной стороны, открывала для него множество возможностей, и в то же время давила тяжелым бременем на плечи.

Вадим был глубоким и проницательным человеком. Он трезво и с болью в сердце оценивал и переменчивые времена, и крушение великой советской эпохи.

и новые нравы, и свой вынужденный уход в коммерческое искусство. Вот что читаем в одном из его немногочисленных интервью:

«Но потом наступила другая эпоха, девяностые годы, и тяжело стало всем... Время было такое, когда люди хотели разрушить все до основания, когда разворачивались фонды государственных музеев и творческих объединений, когда перечеркивалось все сделанное раньше, когда непризнанные художники мечтали стереть память о тех, кто был в зените славы. Во время перестройки как раз и попытались задвинуть многих “стариков”. Моих родителей многие коллеги ненавидели за то, что они были успешными. Матушка от этого страдала больше, чем от болезней, постепенно ее одолевавших».

Вадим Евгеньевич рожден был баловнем судьбы! Таким он и выглядел для публики – светским денди с осанкой лорда, а в кругу близких – мягким, нежным, чутким товарищем и братом.

Но уже в 22 года, оставшись без отца, он понял, что всё в его жизни поменялось. И если сначала Гульфайрус Мансуровна, давшая мужу слово выучить сына, взвалила на себя ответственность за его будущее, то в лихие 90-е уже он переживал за судьбу творческого наследия родителей, которое уплывало в нечистоплотные руки вместе с разрушением страны:

«Во время разрухи в Государственный музей искусств им. Кастеева обратился потенциальный покупатель, желавший приобрести холст “Казахский вальс”. Он предлагал за картину такую сумму, на которую можно было отремонтировать все здание музея. Но мама не дала разрешения на продажу: “Только через мой труп, ведь я писала для народа”. Но это случай, когда наше мнение спрашивали. Чаше мы знали, что наследие разворовывается и распродается, но сделать ничего не могли. В то время вообще советское искусство из стран СНГ увозилось вагонами. Многие частные галереи открыто торговали краденым из разных запасников и фондов. Например, мама долго работала художником в Театре оперы и балета им. Абая. И во время реконструкции театра ее многочисленные эскизы были переданы в музей. А потом я видел их у коллекционеров. Мама очень тяжело переживала это...»

Судьба работ Евгения Сидоркина тоже оказалась непростой. Многие его монументальные панно спасали всем миром, объединялись коллеги-художники, искусствоведы, журналисты, доказывали прорабам, что это художественное наследие Казахстана в отличие от новостроя. Так с помощью писем и протестов было восстановлено панно на Дворце спорта.

«Тогда очень много людей включилось в борьбу, и мы добились хотя бы восстановления работы. Правда, средств было выделено немного, и получилось не совсем то, но хотя бы такая память об отце останется. Из монументальных работ отца остались фронтон в Театре им. Ауэзова и большое панно в доме-музее Ауэзова.

Так, в борьбе, и проходило время, которое можно было бы потратить на собственное творчество» (из статьи Ксении Евдокименко «Я заложник творчества и славы родителей»).

А в жизни Вадим Евгеньевич Сидоркин был настоящим джентльменом, отлично владевшим английским, очень скромным, благодарным и благородным человеком, тонким, одиноким, чутким и ранимым, который вел довольно уединенный образ жизни, отвечая на звонки только избранному кругу людей.

Последние годы он не слишком уютно чувствовал себя в Алматы и очень сокрушался исчезновению Алма-Аты! Настоящей цивилизации, где жили Атланты

и Кариатиды, творившие великолепные творческие миры, которые плели великолепную ткань ауры нашего города.

До конца своих дней он был предан своей великой семье – своей любимой Маме и великому Отцу.

Я всегда наслаждалась его изящной и остроумной речью, его красивым и бархатистым голосом, его чувством такта, юмора и красоты. Я училась у него дипломатии и выдержке. Мы согревали друг друга воспоминаниями о наших дорогих сердцу, бабушках – сестрах Хаирнисе и Фахирнисе, вспоминая, как они готовили, какими были сильными и кроткими, пронесшими на своих плечах все тяготы войны. Он консультировал и просвещал меня в моих публикациях о его родителях. А мы с Абликимом (моим супругом, художником и музыкантом) помогали ему в бытовых проблемах и делах. Всегда чутко относились друг к другу, выручали в сложных ситуациях, созванивались и встречались, обсуждали важные события и в искусстве, и в жизни.

В его облике чувствовалась настоящая порода и стать, которая, к сожалению, сильно контрастировала с тем миром, который становился «исчезающей натурой».

Последнее его сообщение мне:

«Мы уже убедились, что есть некие силы, а именно, в нашем центре силы! О боже! Я имею в виду, что мы очень сильны и очень могучи эзотерически».

Мне хочется поделиться с читателями добрыми словами о семье Сидоркиных-Исмаиловой, высказанными близко знавшими их коллегами, друзьями и родными.

Людмила Ли, артистка балета и педагог, прима Государственного академического театра оперы и балета имени Абая:

– Я очень счастлива, что была близка к этой великой семье! Каждый из этой троицы велик по-своему, и эта оценка обязательно будет дана! А мы – носители живой, светлой, вечной памяти об этих необыкновенных людях, подаривших миру красоту и вдохновение, надежду и веру в чистоту восторга и глубину сокровенного миропонимания!

Вечная моя память и благодарность Вадиму, любимой моей необыкновенной Гульфайрус Мансуровне и гениальному Евгению Сидоркину, подарившему нашему театру потрясающую сценографию балета «Фрески», с премьерой которого мы покорили в 1981 году Ленинград! Сегодня справедливо пишут, что органичный сплав музыки, сценографии, хореографии и сценария, в основу которого положена «Глиняная книга» Олжаса Сулейменова, ставит этот балет в один ряд с лучшими образцами мировой хореографии.

И Вадим был настоящим сыном своих великих родителей, достойный высококого полета – знавший «душой исполненный полёт»! Эпоха XX столетия уходит, украшенная советскими достижениями в искусстве, в частности творческими достижениями великой семьи Сидоркиных и Гульфайрус Исмаиловой.

Марианна Покровская, актриса, режиссер, дочь известного архитектора, лауреата Государственной премии СССР Владимира Кацева:

– Вадька – это мое детство. Вадька – это последняя ниточка, которая связывала нас с семьей Сидоркиных. Это очень дорого для нас. Потому что дядя Женя и тетя Гуля, Вадик – это вторая моя семья. Когда я родилась, папа делал ремонт

и покрыл полы лаком. Маму невозможно было из роддома привезти домой. И привезли меня – маленькую, с мамой, к Сидоркиным, где я прожила две недели. Было составлено два кресла вместе, это была моя первая кровать! Мой первый дом был у Сидоркиных!

Вадим с детства был очень талантливым человеком. И я всегда ему завидовала. Я думала, ну надо же, почему Вадик такой талантливый, а мы такие... растем как трава. Я всегда думала, что он будет скульптором, но решилось все по-другому.

То, что Вадим остался одиноким, это ужасно, почему такая участь художника? Сначала ушел дядя Женья. Тетя Гуля прожила славную жизнь и умерла в тот же год, что и мой отец. И оставался Вадик. Это была последняя ниточка, что связывала меня с этой потрясающей семьей! Очень талантливой, очень гостеприимной, радушной, очень доброй, теплой! Настоящей творческой семьей.

Дядя Женья Сидоркин был лучшим другом моего отца. И я Вадьку очень любила, почти как брата. Жизнь нас разводила. У меня были свои дела, у него своя жизнь. Но мы не теряли друг друга, поддерживали связь по телефону и в Фейсбуке, иногда встречались. Он был на похоронах моего отца. Сидел рядом со мной и держал за руку. Вадим славный был и добрый, даже слишком добрый. Теперь Сидоркиных больше нет. Для меня это огромная потеря. Низкий-низкий поклон от семьи Кацевых.

Нургуль Тусупбекова, продюсер, тележурналист:

– Недавно мы сидели с Вадимом и Булатом Нусимбековым в кафе, обсуждали будущий проект документального фильма о Сидоркиных-Исмаиловой. Вадим всегда был человеком немногословным, скромным, во всяком случае, таким он казался. И в этом была его тайна, его харизма. Он родился в семье творческих людей, можно сказать, – гениальных. Евгений Сидоркин – до сих пор непревзойденный график, получивший международное признание. Гульфайрус Исмаилова – яркий живописец, художник театра и кино, первая женщина – главный художник оперного театра (!), драматическая актриса, одна из самых красивых женщин своей эпохи. Трудно быть сыном таких родителей, не затеряться в тени их славы. Но он от нее не бегал, он преданно ей служил, и в профессии, и в жизни.

Мара Нурмухамедова, эксперт управления культуры:

– В этом дворе на Калинина, где Вадим рос, жил весь цвет нашего казахстанского олимпа – художники, музыканты, артисты, ученые: Тулегенова, Кенжетаяевы, Нугмановы, Рутковские, Омаровы, Исмаилова и Сидоркин, Джандарбекова, Шара Жиенкулова, Нурмухамедовы, Ненашевы, Артыковы, Тынышпаевы, Алтайбаевы, Сегизбаевы...

Этот двор был поцелован Богом! Он был такой дружный, радостный и светлый – дети все друг друга знали и любили.

Когда эти великолепные женщины – Исмаилова, Тулегенова и Жандарбекова – проходили, мы, дети, с восхищением, рты разинув, смотрели на них и думали: быть бы такими же красивыми!

Одно удовольствие было смотреть, как они уходят на работу и возвращаются домой. Мало того, что они были красивыми, у них глаза светились! И не только смотреть было одно удовольствие, наши сердца трепетали от восхищения и поклонения.

Этот двор нам всем дал так много! И абсолютно не было того, чтобы мы кичились своими родителями, они воспитывали нас в скромности. Мы до сих пор, когда встречаемся, целуем мысленно этот двор и благодарим наших родителей за наше детство, за всё то, что он и они нам подарили.

Самое интересное, что разговоры в той среде среди взрослых тогда велись только об искусстве, только о книгах, только об операх и о кино, трудно было вырасти там другим человеком, не ценящим, не любящим искусство.

И, конечно, Вадим – настоящий сын своих родителей, дитя своего двора, и он тоже поцелован Богом. Он был очень и очень талантлив и мог еще очень многое сделать. И спасибо, что все эти люди в нашей жизни были и есть!

Гульнара Беркалиева, художник-модельер, троюродная сестра:

– Так как я старшая среди детей в наших семьях Ахметовых и Исмаиловых, то Вадика помню с самого его рождения. Первый дом у нас был на Чайковского. Это был такой маленький домик посреди огромного сада, который был разделен пополам, где жили семьи наших бабушек.

У Вадима была такая интересная походка – размеренным шагом, с высоко поднятой головой. Все думали, что он такой высокомерный, важный. А на самом деле у него это было заложено в генах. И так степенно он ходил с самого раннего детства.

Когда я училась в техникуме легкой промышленности, то часто приходила домой к тете Гуле и дяде Жене в их квартиру на Калинина. В комнате из-за деревьев за окном (квартира была на первом этаже) царил полумрак, и свет падал бликами. У них была богатейшая библиотека на всю стену, роскошные альбомы по искусству (книги в то время были в большом дефиците). В их доме всегда царил рабочая обстановка и никакого намека на мещанство. Повсюду лежали краски, подрамники, холсты и эскизы. Евгения Матвеевича я запомнила доброжелательным, улыбчивым, радушным и гостеприимным. Он всегда шутил, обращаясь к тете Гуле: «Вот вырастет, станет модельером и будет тебе костюмы шить!» Я до сих пор храню кисточки, которые мне она подарила (хотя они уже истерлись), как талисман.

Во время моих посещений их дома я замечала, что Вадим погружен в свой внутренний мир, так что неловко было беспокоить его какими-то расспросами. Он был не по годам вдумчивый, уважительный, серьезный. Я не замечала за ним детских шалостей и баловства. Мне кажется, что и потом, уже повзрослев, он так и жил в своем мире. Он был весь в себе. И когда он вырос, такой высокий и статный, в душе он оставался ребенком, немного наивным и доверчивым. При этом будучи высоко образованным и философски мыслящим человеком.

Абликим Акмуллаев, свободный художник:

– Вадим выполнил свою программу. Он вырос и сформировался в такой мощной артистической среде! В наших беседах с ним я ощущал, как у него было все очень глубоко внутри. Но в свои шестьдесят лет он сохранил и юношеский запал, и чистоту, и утонченность. Он часто говорил, что над ним сгущаются тучи и кружат черные вороны над его головой. Ему было нелегко. Ведь, по сути, всегда вокруг наследия Исмаиловой-Сидоркина было много «заинтересованных лиц».

И я пытался отвлечь его от этого «мрачняка». Так как я с ним часто виделся зимой 2021 года, при мне всегда была книга Рерихов «Сердце» по Агни Йоге. Когда я ему впервые воодушевленно рассказал о ней, он оживился и поведал мне историю о том, как его отец в составе советской делегации встречался в Индии с Рерихом. Я ему нашел в Интернете эту книгу, чтобы он мог слушать ее, вместо всего того, что крутилось у него по телеку. Однажды я дал ему книгу и сказал: открой своей рукой, на какую страницу попадешь, то и прочтем! И текст, что открыла его рука, попал на тот момент в самую точку.

Камилла Ли, секретарь Союза художников Казахстана по вопросам творчества, заслуженный деятель РК:

– С уходом Вадима мы прощаемся с целой эпохой в истории искусства Казахстана. Это испытание для всех нас. Что делать, она вот так неумолимо тает. Но семья Сидоркиных-Исмаиловой в жизни так много сделала для страны, что их имена должны неугасимо сверкать на скрижалях национальной истории изобразительного искусства. И этот бесценный вклад не замыкается границами Казахстана, не ограничивается временными рамками. Бывая много раз в Москве вместе с Гульфайрус Мансуровой, мы видели, как ее любят, как встречают, и как относятся к Евгению Матвеевичу Сидоркину и к Вадиму. Надо помнить, что Евгений Матвеевич вел постоянные семинары для молодых художников в подмосковном Доме творчества «Сенеж». У них в Москве, Ленинграде, во многих республиках были друзья. Они для того всесоюзного сообщества художников, разных по своему национальному и культурному генезису, были вдохновляющими мощными личностями, влияющими на развитие искусства того периода, сказавшими в нем свое особенное слово. И Вадим сформировался в этой атмосфере – высокого вкуса, высокой требовательности к себе и преданности высокому искусству. Сейчас очень важно, чтобы наша молодежь тоже понимала и ценила наследие этой семьи, наследие той великолепной эпохи, которое входит в сокровищницу национального достояния республики.

Досье

Вадим Сидоркин – график и живописец, 1959 года рождения. Выпускник Алма-Атинского художественного училища им. Н. В. Гоголя, а затем Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (Академии художеств), где учились его родители – народные художники Казахстана Евгений Сидоркин и Гульфайрус Исмаилов. Основной жанр его живописи – портрет. Творческий метод – реализм. Участник множества выставок как в Казахстане, так и за рубежом. География распространения его работ: Россия, Эстония, Кипр, Америка, Новая Зеландия, Австралия, Канада и другие страны. Большинство холстов в частных коллекциях.

